

Батраков Евгений Георгиевич, редактор газеты «Оптималист»

«ОБЩЕЕ ДЕЛО»

Поразительно, но это так: одной из наиболезнейших проблем современности – алкокоррозии российского общества – до сих пор, – в постсоветский период, – ни в СМИ, ни в иных информативных средах не предоставлялось ни времени должного, ни места достойного. В лучшем случае, мы встречали куцые сообщения «на тему», в худшем – навязчивую рекламу алкоголя, омерзительную пропаганду пития и подлую ложь о здоровом, трезвом образе жизни. И вдруг – целый проект «Общее дело»! Да еще с участием таких ярких представителей трезвеннического движения, как член Правления ООО «Оптималист», президент Международной академии трезвости Александр Николаевич Маюров и вице-президент Международной академии трезвости, председатель Союза борьбы за народную трезвость Владимир Георгиевич Жданов!

Мне думается, что мы еще не осознали в полной мере значение того, что же на самом деле произошло в эти дни – 28 февраля и 14 марта 2009 года. Пока ясно одно: произошло событие – событие, ибо в пику пьяному бытию было широковещательно явлено еще одно бытие, как оказывается, существующее – бытие трезвых людей, составляющих уже в силу самого факта своей наличности, – духовно зрелую оппозицию, решительно выступающую против господствующей в стране тирании безумия, выступающую против диктатуры бойких некрофилов и богемствующих садомазохистов.

Состоявшийся, пусть сумбурный, но — обмен мнениями еще раз наглядно показал, что Россия не только не едина в своих воззрениях на алкогольную проблематику, но решительно не едина как в морально-нравственном аспекте, так и в идейно-теоретическом, можно даже сказать расколота на два, диаметрально противоположных лагеря, а именно:

- на здоровых, трезвомыслящих, нормальных людей, обеспокоенных не только своей собственной персональной судьбой, но и судьбой своего Отечества и
- на не думающих самостоятельно, бездумно ретранслирующих нелепости и благоглупости, которые были им старательно внушены еще с малых лет не только уже обманутыми на тот момент их собственными родителями, но и теми, кто прекрасно понимал, ради чего наркотическая отрава так назойливо выдается за продукт пищевой.

Вы скажете, а где же в вашей схеме «пятая колонна», т.е. внутренний враг? Их что же у нас уже и нету тут?

Враги есть всегда, но – разве враги это часть России? Разве можно, будучи в здравом уме и твердой памяти, считать за наших сограждан таких сволочей, как Л.Якубович, В.Познер, А.Гордон, Н.Иванец и тому подобных, готовых даже на костях упоенных вусмерть миллионов, средь одичавших стай бездомных детей и бичей, в атмосфере народных страданий и безысходности не только выстраивать свое право на питие водки, но и право на возведение этого права в статус

общечеловеческой нормы, опираясь на которую они намерены учить пить еще и детей, и не только в семьях, но и в школах тоже?

Отметим также, что прошедшие телеобсуждения четко обозначили и целый ряд частных, локальных проблем. Мы видели, как достойные, в общем-то, люди, ратующие за лучшую долю и вольную волю, в силу простой неосведомленности явно очутились не в той компании. Вспомним ту же «Дарью Донцову», трезвенницу, написавшую более ста книг, которая выступила вдруг эдаким бездумным ретранслятором некритически воспринятой лжи о том, что, якобы, «запретительная мера, которую неоднократно применяла Америка и другие страны, ни к чему хорошему, к сожалению, не привела». Как же «ни к чему хорошему», Агриппина Аркадьевна, если благодаря этой мере, известной у нас, как «сухой закон»:

«За неполные три года его действия произошло оздоровление общества. Число арестов уменьшилось в три с половиной раза, в том числе за бродяжничество, хотя условия эксплуатации и безработицы остались прежние.

В городе Филадельфия через 9 месяцев оказались пустующими 1100 тюрем и камер, а число заключенных сократилось с 2000 человек до 474, т.е. в 4,2 раза.

На 1 апреля 1920 года в тюрьме города Чикаго из 2500 заключенных осталось 600. Из 2500 осужденных жертв алкоголя составляли 1900 ч.

Преступность в США сократилась на 70%.

В госпитале города Буффало, освободившиеся в психиатрических больницах койки были переданы для туберкулезных больных, число которых росло в годы торговли алкоголем.

Увеличилось потребление молока населением.

Улучшилось благосостояние народа.

Укрепились семейные устои. Возросли сбережения.

Повысилась нравственность и гигиена.

Уменьшилось число травм и катастроф, убытки от которых снизились на 250 миллионов долларов.

Прекратилась гибель людей от острых отравлений алкоголем. Снизилась общая смертность.

Вместо прежнего унылого мрака в рабочих семьях появились: достаток, спокойствие и счастье.

Трудовые сбережения шли на постройку домов.

Покупки стали более целесообразными.

Резко уменьшилось число пожаров.

Власти штата Канзас погасили свою задолженность в 2 миллиона долларов, а возвращенные долговые векселя были публично сожжены. Губернатор штата Канзас телеграфировал в Новую Зеландию: «Все государственные служащие, рабочие союзы, медицинские ассоциации и 95% остального населения голосуют в пользу закона о трезвости».

Закрытые многочисленные пивоваренные и винокуренные заводы были быстро, экономично и с большой пользой переоборудованы для производства нужных народу продуктов и

товаров: сиропов, фруктовых и овощных консервов, мыла, конфет, масла, соков, одежды, перчаток, книг и даже открытия гостиниц.

Было закрыто 1092 пивных и 236 водочных заводов. Закрыты 177.790 питейных заведений».

(Г.Гослар. Современная Америка. Издательство «Петроград», Ленинград-Москва, 1925 г.).

Должен сказать, что прямо-таки порадовало меня то, что даже социально-подслеповатые культурнопитейщики, как оказалось, тоже хорошо понимают необходимость введения ограничений — детям нельзя, торговать в школах и около школ нельзя, пить беременным нельзя и за рулем нельзя...

Нельзя-то нельзя, но ведь не только детям, не только до 21 года, не только беременным — спиртное пить нельзя вообще, ибо спирт — яд. Яд нельзя пить именно потому, что он есть яд. И до 21 года, и после. И при этом несовершеннолетним, как еще малоспособным самостоятельно принимать решения, доступ до яда общество ограничивает, а на людей взрослых распространяет неписанное правило: вы уже можете быть ответственными, можете сами без няньки отличать хорошее от плохого, полезное от вредного, съедобное от дерьма, поэтому — воля ваша, но и неволя, в случае чего, ваша же.

Наверно, это и правильно. Если, скажем, какой-нибудь там Гордон или Якубович принимает решение выпить водки, вздернуться на домашней люстре или поменять свою сексуальную ориентацию – сам он себе и судья. Это решение человека, обладающего, как ему мнится, свободой воли. И мы уважаем это его решение. До тех пор, пока оно не начинает влиять на наши собственные решения, на решения наших детей и наших близких. Более того, терпимо попустительствуя до произвола снизошедшим, мы вовсе не обязаны потакать им во всех их сумасбродствах, т.е. создавать благоприятные условия для реализации их дебильных намерений: мы не должны позволять рекламировать алкоотраву, предоставлять телеканалы под пропаганду пития антинациональным негодяям, не имеющим ни совести, ни чести, мы не должны заботиться о процветании бизнеса, который паразитирует на людском невежестве, на слабостях и пороках. И государство не должно. Государство не должно пачкать свою репутацию установлением монополии на алкоголь, но не должно и доходить до пособничества тем, кто собирается подрывать общественную мораль, подрывать здоровье общества, благосостояние граждан, экономику страны с помощью алкоотравы и т.п. средств. Все направленное на разрушение личности, семьи и государства должно быть раздавлено, искоренено и выметено самым решительным и самым безжалостным образом. Без всяких паллиатив и демократических заскоков.

И последнее. В реестре наиглавнейших проблем нашего трезвеннического движения мне видится то, что у нас до сих пор нет и намека на «внутрипартийные дискуссии», как будто бы мы друг с другом уж сто лет, как не разлей вода, и будто бы все мы уже единой массой монотонно и равномерно успешно движемся к трезвому обществу, как счастливой и единственно верной неизбежности.

Далее я размещаю на страницах нашей газеты стенограмму первого выпуска проекта «Общее дело», рассчитывая на то, что наши соратники и не соратники тоже примут самое активное участие в обсуждении поднятых вопросов. И, кто знает, быть может, все мы до чего-нибудь да договоримся?

«Оптималист», №2 (124), март 2009 г.